

А.Иванов

А.Устинова

СТРАШКИ

Кошмары
Серебряных прудов

ЭКСМО

Анна Вячеславовна Устинова
Антон Давидович Иванов
Кошмары Серебряных прудов
Серия «Страшилки»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=600355
Кошмары Серебряных прудов: Эксмо; М.; 2000
ISBN 5-04-005037-2

Аннотация

Начались мелкие и крупные неприятности в день рождения Жанны. Она уронила торт, и именинные свечи прожгли скатерть. На следующий день Жанна чуть не утонула в пруду, провалившись под лед. Затем на старинной гравюре ни с того ни с сего разбилось стекло. "Тут дело нечисто", - думают Жанна и ее друг Федя и решают снять сглаз, обратившись к бабке. А вернувшись от нее, ребята узнают, что бесследно исчез их одноклассник - Толик Волобуев...

Содержание

Глава I	4
Глава II	29
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Анна Устинова,
Антон Иванов
Кошмары
Серебряных прудов**

**Глава I
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ЖАННЫ Д'АРК**

Глянув на себя в зеркало, я на всякий случай еще раз провел щеткой по уже тщательно расчесанным волосам. Вроде бы все нормально. Подарок лежал на подзеркальнике. Я взял его и шагнул к входной двери, но тут из кухни показалась мать.

– погоди, погоди-ка, Федя. Дай на тебя посмотреть.

У меня вырвался невольный, но тяжкий вздох. Ну почему на меня обязательно надо смотреть?

– Ма, я уже опаздываю, – щелкнул замком я.

– Плюс-минус минута роли не играет, – возразила моя родительница. – И иди тебе всего-навсего до соседней квартиры. Кстати, – лицо ее враз посерьезнело, – зачем ты напя-

лил эту дурацкую майку? Я ведь тебе приготовила рубашку.

«Начинается», – пронеслось у меня в голове.

– Ты все-таки, Федя, собрался на день рождения, – продолжала мать. – Это тебе не какая-нибудь дискотека, а торжественный день.

– Ты еще скажи: юбилей! – фыркнул я.

– Ничего смешного, – нахмурилась мать. – Пятнадцать лет – это и впрямь почти юбилей.

– А Жанне, между прочим, вот эта майка как раз очень нравится, – потыкал я себя в грудь. – И она специально просила меня прийти сегодня в ней.

– Ну-у, если так... – мать явно растерялась. – Ладно, Федя, иди.

Я наконец открыл дверь. И даже шагнул на лестничную площадку.

– Ой, нет! погоди! Цветы! – завопила мать.

Я было снова занес ногу над порогом, так сказать, родного дома. Но мать крикнула:

– Нет, нет, Федя. Возвращаться – плохая примета. Подожди. Я сейчас принесу.

Она исчезла и мгновение спустя появилась с букетом роз. Я схватил их и немедленно укололся.

– Осторожней! – тут же последовало родительское напутствие. – погоди. Сейчас оберну стебли целлофаном. Тогда больше не уколешься.

– Не надо! – на сей раз решительно воспротивился я и

ногой захлопнул родную дверь.

Обе руки у меня были заняты. Одна подарком, другая – букетом, который продолжал колотиться. Передо мной стояла сложная задача – позвонить в квартиру Тарасевичей. Кое-как устроив подарок под мышкой, я освободил левую руку и надавил на кнопку звонка. Дверь распахнулась. Под ноги мне немедленно кинулся маленький бородатый двортерьер Тарасевичей – Пирс. Он радостно тьякнул и, высоко подпрыгнув, едва не вышиб у меня из рук розы.

– Здравствуйте. Поздравляю, – поспешил я вручить букет Юлии Павловне.

– Какая прелесть! – засияли из-под очков глаза у Жанниной мамы. – Только, наверное, это надо отдать виновнице торжества. Жанночка! Где ты? К нам уже Федя пришел.

– Иду! – показалась из комнаты Жанна.

– Поздравляю! – и я протянул ей коробку с подарком.

– Спасибо. Давай проходи. Между прочим, ты первый.

– Жанночка, ты погляди, какая прелесть! – продолжала восхищаться букетом Юлия Павловна. – Пойду поставлю их в воду, а потом уж буду собираться.

Она убежала на кухню.

– Сейчас уйдет, – проведя меня в комнату, сообщила Жанна. – К подруге.

В дверь позвонили три раза подряд. Мы снова вышли в переднюю. Это явился наш друг Макси-Кот. Вернее, вообще-то он раньше был только моим другом. Мы с ним вместе

учились в старой школе. А когда я переехал сюда и познакомился с Жанной, то Макси-Кот стал ездить ко мне в гости и тоже с ней познакомился.

Наверное, вы уже поняли: Макси-Кот – это прозвище. Оно образовалось, во-первых, от имени и фамилии: Максим Кот. А во-вторых, от внешности. Лучший мой друг и впрямь очень смахивает на большого, упитанного и крайне довольного жизнью кота. И улыбка у Макса совершенно чеширская. Помните, был такой Чеширский кот в «Алисе в Стране чудес». Неготовый у моего друга разве только нос – длинный, тонкий и острый. Эта часть лица у Макса от мамы. Кстати, у нее фамилия... только не смейтесь, пожалуйста! Так вот, у нее фамилия Крыса. Поэтому друзья Макссовых предков называют их Кошки-Мышки. Хотя, если строго сказать, мышка – это совсем не крыса.

Ну да ладно. В общем, дверь Тарасевичей распахнулась, и в передней возник Макси-Кот. Верней, сперва возникло нечто большое и плотно обернутое газетами.

– Довез! – торжествующе донеслось из-за свертка.

Нечто в газетах опустилось на пол, и я наконец увидел довольную физию своего старого друга.

– Поздравляю с днем рождения, это тебе, – на одном дыхании выпалил он.

– А что это? – уставилась на сверток Жанна.

– Подарок, естественно, – пояснил Макс. – От меня лично.

– Это ежу понятно, – усмехнулась Жанна. – Я имела в ви-

ду, что внутри?

– Разверни – и увидишь, – в темпе избавился от куртки, шапки и шарфа Макси-Кот.

Жанна надорвала газету.

– Осторожней, – предупредил Макс. – Не урони.

– Да что там у тебя такое? – охватило еще большее любопытство виновницу торжества.

– Смелей! – ободрил мой друг.

Жанна решительным движением разорвала газету. Мы увидели большой кактус, покрытый вместо колючек длинными седыми волосками.

– Потрясно! – захлопала в ладоши Жанна. – Где ты, Максик, нарыл такое сокровище?

– Старался, искал, – с важностью изрек он. – К вашему сведению, это единственный в мире вид неколючего кактуса.

– Ты уверен, что единственный? – спросил я.

– Почти, – честно ответил Макс. – Во всяком случае, в том магазине, где я покупал, все остальные кактусы были колючие.

– Чудесно! – раздалось за нашими спинами.

Мы обернулись. В передней стояла с сигаретой в зубах Жаннина мама.

– Ну прямо старичок-лесовичок!

И, наклонившись к кактусу, она выпустила в него густую струю дыма.

– Мама! – строго воззрилась на нее Жанна. – Убери сига-

рету! Иначе старичок-лесовичок сейчас загнется от передозировки никотина.

– Ой, прости, Жанночка! Забыла!

И Юлия Павловна унеслась со своей сигаретой на кухню.

– Действительно, на старичка похож, – продолжала разглядывать кактус Жанна. – Слушай, Максик, а он чего, поседел от старости?

– Нет, – покачал головой Макси-Кот. – Эти кактусы все такие. Даже совсем маленькие.

– Ладно, – подхватила горшок с кактусом на руки Жанна. – Поставлю его на окно. Надеюсь, ему там понравится.

Пирс, который все это время бурно здоровался с Макси-Котом, неожиданно звонко тьякнул и, взвившись в воздух, попытался устроиться на руках у Жанны вместе с кактусом.

– Отстань! – прикрикнула она. – Дай старичка сначала устроить.

Пирсу решение хозяйки пришлось совсем не по душе. В Макси-Котовом старичке он явно усмотрел серьезного соперника. А потому лишь усилил натиск. Кажется, я разгадал его замысел. Этот хитрец собирался выбить горшок у Жанны из рук. Не схвати я его, план мог удалиться. Но все обошлось, и старичок благополучно поселился на подоконнике. После чего Жанна взяла на руки Пирса.

В дверь опять позвонили. На сей раз явились сразу четверо. Все из нашего девятого «Г». Новая Жаннина подруга Ди-

ана Кирейцева, Светка Полежаева, Лариска Рыжова и Игорь Соломатин.

Все они, разумеется, вручили по подарку, однако Жанна пока даже не стала их разворачивать, а просто положила на журнальный столик рядом с моим подарком, который она, между прочим, тоже так и не успела посмотреть.

Последним явился Славка Кирьян.

– Ну, теперь все в сборе, – сказала Жанна.

Юлия Павловна немедленно усадила нас за стол. Побыв немного с нами, она засобиралась к подруге, однако не успела еще уйти, как в дверь опять позвонили. Жаннина мама открыла.

– О-о-о! – тут же донесся до нас из передней ее восторженный возглас. – Жанночка, иди сюда скорее! Оказывается, у тебя еще один гость.

Жанна, недоуменно пожав плечами, выбежала из комнаты. Я тоже был удивлен. Насколько мне было известно, она пригласила на день рождения только семь человек. Кого же это принесло? Впрочем, мне недолго пришлось ломать голову.

– То-олян? – изумленно протянула Жанна. – Разве я тебя...

Она осеклась. Я тоже ушам своим не поверил. Толян Волобуев тоже учился в нашем девятом «Г». Однако его Жанна могла пригласить на день рождения только под страхом смертной казни. Потому что относилась таких людей, как он, к

разряду «средних придурков». Однако сам Толян последнее время почему-то изо всех сил старался с нами подружиться.

– Жанночка, я ухожу. Веселитесь! – крикнула Юлия Павловна.

Дверь за нею захлопнулась.

– Толян, – снова заговорила Жанна, – разве я тебя сегодня пригласила?

– Нет, – честно и радостно отозвался тот. – Я пришел по-английски.

К этому времени мы все тоже высыпали в переднюю. Здоровенный белобрысый Волобуев переминался с ноги на ногу возле самой двери. В одной руке он крепко сжимал букет алых гвоздик. В другой у Толяна была коробка с тортом, которой он нервно помахивал из стороны в сторону.

– По-английски? – скривились в усмешке тонкие губы Жанны. – Насколько я знаю, по-английски не приходят, а уходят.

– Другие, может, уходят, – почему-то кинул заискивающий взгляд на меня Толян. – А я вот пришел поздравить. В общем, желаю этого самого... счастья.

– Спасибо, – нарочито сухо произнесла Жанна.

Мы с остальными ребятами переглянулись. Хорошенькое начало дня рождения. Более идиотской ситуации не придумаешь. Вроде бы собрались свои люди повеселиться. И вдруг припирается какой-то «средний придурок», да еще с букетом, с тортом. Ну что с ним прикажете делать? И ведь вроде

бы все, кроме Макси-Кота, его знают. Нравится же некоторым ставить всех в неловкое положение!

Я покосился на Жанну. Похоже, она и сама не знала, как поступить. Волобуев по-прежнему елозил спиной по входной двери. Можно было подумать, будто он вознамерился отполировать ее собственной курткой.

– Возьми, Жанна, – протянул он букет и торт. – А если мешаю, могу и уйти.

– Ладно, Толян, – сжалась виновница торжества. – Раздевайся и заходи. Ведь по-английски все равно уже уйти не сможешь.

– Ага! Не смогу! – радостно улыбнулся он.

Бросив куртку и вязаную шапочку на подзеркальник, Волобуей направился с нами в столовую. Но не тут-то было. Пирс, дотеле попросту настороженно косившийся на него, вдруг грозно зарычал и решительно преградил ему путь к праздничному столу.

– Чего это он? – порядком озадачился Толян.

Пирс продолжал скалить зубы и рычать.

– Фу! – крикнула Жанна. – Свои.

Пирс недоуменно взглянул на хозяйку, затем вновь покосился на Толяна и, брезгливо фыркнув, улез с поджатым хвостом под стол.

– Во псих, – повертел головой Толян.

Тут его взгляд упал на праздничный стол, и он совсем другим тоном воскликнул:

– Классно!

– Специально для него старались, – шепнула мне Динка Кирейцева. – И чего Жанка сразу его не вытурила? Теперь нам весь вечер испортит.

– Ее день рождения, ей и решать, – тоже шепотом возразил я. Положа руку на сердце, я тоже вполне обошелся бы сегодня без Толяна.

– Все равно лучше бы выставить, – настаивала Динка. – Теперь целый вечер придется слушать его дебилские прикольчики.

Не успела она это произнести, Толян, по-прежнему замороженно глядя на стол, потер руки и громко изрек:

– На халяву и зверь бежит.

– Минздрав предупреждал, – выразительно закатила глаза Динка. – Начинается.

Толян, видимо, окончательно преодолев первоначальное смущение, с размаха плюхнулся на стул.

– Брысь! – подскочила к нему Динка. – Это мое место!

– Кто первым сел, тот и прав, – громко заржал Толян. – Не нумеровано.

– Ну, так, дорогой джентльмен, – нахмурилась Жанна. – Это как понимать? Ты сейчас себя тоже ведешь по-английски?

– Я нет, – враз стушевался Толян.

– Тогда брысь с Динкиного места и дуй на кухню за табуреточкой, – строже прежнего распорядилась хозяйка. – А я

пока достану тебе чистую тарелку. Извини, интуиция подвела. На тебя не накрыли.

Динка мстительно фыркнула. Толян покорно попер на кухню за табуреткой. Я посмотрел на Макси-Кота, сидевшего рядом с Динкой. Он усмехался.

Вернувшись, Толян разочарованно уставился на приготовленную Жанной тарелку.

– На угол не сяду, – твердо произнес он.

– Почему это? – спросила Жанна.

– Примета плохая, – на полном серьезе откликнулся он. – Семь лет без взаимности.

– Взаимность тебе и так не грозит, – без обиняков заявила Жанна. – Так что садись спокойно.

Толян, с большой неохотой поставив табуретку на угол, опустился на нее. Затем сказал сидевшему рядом с ним Славке Кирьяну:

– Гони сюда пирог. Как говорится, никогда не откладывай на завтра то, что можно съесть сегодня.

И он захохотал на всю комнату.

– Глупости говорит и ржет, – поморщилась Диана. И так громко шепнула на ухо Макси-Коту, что мы с Жанной, сидевшие рядом, слышали: – Все-таки надо было его выставить.

Однако Толян недовольства собою явно не чувствовал. Запихнув в рот большой кусок кулебяки с капустой, он весело обратился к Динке:

– Ржу, говоришь? Ну и нормально. Хорошо смеется тот, кто смеется, как лошадь.

– Это когда... как лошадь, – мигом отреагировала Диана. – А когда за столом вместе с тобой сидит сама лошадь...

Лицо у Толяна сделалось задумчивым. Вернее, на нем появились отдаленные признаки мыслительного процесса. В комнате повисла напряженная тишина. Кажется, все присутствующие подумали об одном и том же: назревает серьезный конфликт, и праздник может быть безнадежно загублен.

Однако Толян вдруг снова радостно заржал.

– Не. Я не лошадь. И вообще, как говорится, на чужой каравай семеро одного не ждут.

С этими словами Волобуев увлеченно занялся салатом «оливье». Динка снова раскрыла рот, явно намереваясь ему схамить, когда Жанна вдруг словно бы спохватилась:

– Ой, а подарки-то! Надо их посмотреть!

И она подбежала к журнальному столику. Сперва она развернула Светкин подарок. Это оказался диск одной модной группы.

– Ставь, – немедленно потребовал жующий Толян. – Сейчас попрыгаем!

– Ты сперва поешь, – фыркнула Жанна. – А то с полным ртом танцевать очень вредно.

– Ну, тогда я молчу, – смирился Волобуев и покорно продолжил жевательный и пищеварительный процесс.

После диска обнажился Славкин подарок. Кирьян приво-

лок огромную коробку шоколадных конфет под названием «Моцарт». Такую огромную, что почти убежден: купил он ее не сам, а его предку-врачу преподнес кто-то из благодарных пациентов.

– Это пока оставь, – по-хозяйски распорядился Толян. – Позже с чаем сожрем.

– Как же. Сейчас, – ответила Жанна. – Ты, Толян, случайно не забыл, что это не твой, а мой день рождения? Так что с конфетами я как-нибудь решу сама.

И она от греха подальше упрятала «Моцарта» в стенку.

– Правильно, – с легким армянским акцентом произнес Кирьян. – А с чаем мы его торт будем лопать, – указал он оттопыренным большим пальцем на Толяна.

– А я чо, против? – откликнулся тот. – Для того и волок.

Я про себя отметил: «В общем-то, Волобуев парень правильный. Только немного диковатый. Так сказать, «дитя джунглей».

– Но конфеты торту, по-моему, никак не помешают, – продолжало «дитя джунглей». – Как говорится, ум хорошо, а два сапога – пара.

Естественно, не дожидаясь реакции окружающих, Толян снова громко заржал. Диана со злобой на него уставилась.

– Подарки! Подарки! – немедленно закричала Жанна. – Мы же еще не все посмотрели!

Следующий сверточек оказался Ларискин: маленькая бутылочка туалетной воды и желтый пушистый зайчонок.

– Какой хороший! – обрадовалась Жанна.

Пирс вылез из-под стола и, облизав розовым языком бороду и усы (видимо, под столом его кто-то из присутствующих усиленно кормил деликатесами), тоже сильно заинтересовался зайчиком. Пес высоко подпрыгнул и попытался завладеть игрушкой. Однако Жанна оказалась проворнее и отдернула руку.

– Пошел вон, паразит.

«Паразит» снова улез под стол. Вскоре его усатая морда показалась на коленях Славки Кирьяна. Теперь было ясно, кто его кормит.

В свертке Игоря оказалось два детектива. Жанне такие книги нравились. Нам с Макси-Котом – тоже. Мы переглянулись. Мол, теперь читаем.

Настала очередь моего подарка. Пока Жанна отклеивала липкую ленту и разворачивала плотную цветную бумагу, я напряженно ждал: понравится или не понравится? Во всяком случае, я очень старался. Эта старинная гравюра девятнадцатого века с изображением Жанны д'Арк мне совершенно случайно попала в букинистическом магазине. Видимо, по мнению продавцов, особенной исторической и художественной ценности картина не представляла. Во всяком случае, цена оказалась очень умеренной и для меня доступной. Зато Жанна д'Арк на портрете была вылитая наша Жанна. А если еще учесть, что у нашей Жанны прозвище Жанна д'Арк и назвала ее Юлия Павловна в честь Орлеанской Де-

вы, то, ясное дело, мне захотелось подарить ей эту гравюру.

Обертка упала на пол.

– Ну, Федя! – По Жанниному голосу я немедленно убедился: она в восторге. – Где ты такое взял?

Заинтригованные столь бурной ее реакцией, все остальные сгруппировались возле гравюры.

– Молодец, Фома, – хлопнул меня по плечу Макси-Кот. – В яблочко!

Другие тоже с интересом взирали на мой подарок. Толян подошел смотреть вместе с тарелкой и вилкой.

– Это чего за мужик? – глянув из-за Жанниной спины на гравюру, поинтересовался он.

– Совсем спятил? – шикнула на него Диана. – Разуи глаза. Какой же это мужик?

– А кто, по-твоему, в таком прикиде еще ходить будет? – ткнул пальцем Толян в рыцарские доспехи Жанны с гравюры.

– Жанна д'Арк, – свысока бросила Диана.

– А-а-а, – ухмыльнулся Толян. – И впрямь она. Сам, Фома, рисовал? – повернулся он ко мне. – С нашей Жанны? Конкретно. Я и не думал, что ты в этом так волочешь.

Остальные засмеялись. В том числе и я.

– Вы чего? – похлопал глазами Толян.

– Да так, – ответил ему Макси-Кот. – Это не Фома, а старинная гравюра.

Волобуев крякнул. На лице его вновь появились признаки

глубоко скрытого, но напряженного мыслительного процесса. Он заглянул в лицо Жанне. Глаза у него выпучились.

– Как же так получается, – медленно начал он. – Гравюра старинная, а Жанна – вот она, здесь. И там наша Жанна, – вновь перевел взгляд на картину он. – Совершенно такая же. Ну, я полностью не врубаюсь.

– Потому что там, – указал на гравюру я, – Жанна д'Арк. А наша Жанна очень на нее похожа.

– А-а-а, – протянул Толян. Внезапно лицо его просветлело, и он с видом первооткрывателя радостно воскликнул: – Ну, теперь мне понятно. А то я все с самого начала учебного года башку ломал, почему нашу Жанку зовут Жанной д'Арк?

– Потому что до некоторых доходит, как до жирафа, – вновь не сдержалась Диана.

Толян помрачнел. По-моему, жирафом ему быть совсем не хотелось. Однако Жанна, чутко контролировавшая ситуацию, с возгласом: «А подарки-то еще не все!» – потянулась к последнему свертку на журнальном столике.

– Ща развернешь, – захохотал Толян. – А там мини-скульптура мужа Жанны д'Арк!

– Толик, – обратилась к нему, словно к маленькому, наша Жанна, – у Жанны д'Арк не существовало мужа. Она ведь была Орлеанской Девственницей.

«Дитя джунглей» замялся, но лишь на мгновение. Затем не отшлифованный цивилизацией природный ум взял свое, и Толян эдак небрежно бросил:

– Шутка юмора. Понимать надо. Ты лучше поскорей разворачивай. А то там, на столе, все скиснет.

Жанна сняла обертку. Под ней оказалась прямоугольная коробка из плотного картона, обклеенного бархатной бумагой бордового цвета.

– Динка, что это? – посмотрела на подругу виновница сегодняшнего торжества.

– Открой, и увидишь.

Вид у Динки сделался очень загадочным, а смотрела она почему-то не на Жанну, а на меня.

Аккуратно придерживая позолоченное основание, новорожденная потянула крышку вверх. В коробке лежало что-то завернутое в мягкую белоснежную бумагу.

– Разворачивай осторожно, – предупредила Динка и вновь покосилась на меня. Можно подумать, сегодня празднуют мой день рождения и подарок она принесла тоже мне.

– Да что это? Что?

Я заметил, что у Жанны от нетерпения подрагивают кончики пальцев. Наконец бумага была развернута.

– Ой! – огласил комнату изумленный возглас Жанны. – Какая красивая! Динка, да ты с ума сошла! Это, наверное, столько стоит!

Мы, расталкивая друг друга, склонились над подарком. Каждому, кроме Дианы, любопытно было узнать, что это столько стоит. В коробке лежала на белом шелку кукла с фарфоровым лицом и в старинной одежде.

– Класс! Потрясающе! – почти одновременно выкрикнули Лариска Рыжова и Светка Полежаева.

Мужская часть гостей проявила больше сдержанности, однако и нам подарок Дианы понравился. Даже Толян с шумом поскреб затылок и объявил:

– Вещь антикварная.

– Как всегда, Волобуй, пальцем в небо, – с нескрываемым удовольствием возразила ему Диана. – Эта кукла современная, просто сделана под старину. Но мне понравилась. По моему, очень симпатичная.

– Очень, – кивнула Жанна.

Подбежав к стенке, она отперла застекленную створку и со словами: «Вот, смотрите!» – аккуратно вытащила трех кукол разных размеров.

– Эти тоже под старину? – поинтересовался Толян.

– Нет, – бережно прижимая кукол к груди, ответила Жанна. – Они самые настоящие старинные. В них играла еще моя прабабушка. Мама их называет: «Наше единственное наследство».

– Дай посмотреть, – потянулся к фарфоровым куклам Толян. – Хочу сравнить, чем старинные отличаются от нестаринных.

– Нет, – увернулась от его растопыренной пятерни Жанна. – Руками не трогать.

Толян вздохнул, но послушался. Жанна, видимо решив не искушать судьбу, вернула «единственное наследство» обрат-

но в стенку. Затем, вернувшись к журнальному столику, взяла Динкин подарок и поставила его рядом со старинными куклами.

– Как здорово! – улыбнулась она. – Теперь у меня действительно целая коллекция!

– Так и было задумано, – самодовольно ухмыльнулась Динка.

Еще через некоторое время Толян с грохотом отъехал в тесной компании с собственной табуреткой от стола.

– Ну, все, – похлопал он себя по оттопыренному животу. – Я нажрался. Больше не могу.

– С чем тебя, конечно, и поздравляем, Толик, – скорчила презрительную гримасу Динка.

– Да я, вообще-то, к чему, – полностью проигнорировал ее выпад «дитя джунглей». – Теперь самое время растряситься и попрыгать. Ставь, Жанка, свой новый диск.

Мы с Макси-Котом переглянулись. Конечно, совсем неплохо, когда человек чувствует себя в гостях как дома. Но ведь не до такой же степени. Хотя Толян, судя по его виду, был вполне собою доволен.

– Так, – поднялся он с табуретки. – Стол ставим к стенке. Освобождаем пространство.

И, полностью игнорируя Славку Кирьяна, который еще что-то доедал, Толян толкнул стол по направлению к стене.

– Эй, осторожней! – взвился на ноги Славка.

– Смотреть надо, – ничуть не смутился Толян.

Завершив перестановку стола, он довольным взглядом окинул освободившееся пространство и властно распорядился:

– Давай, Жанка, ставь диск.

Она повиновалась.

– Нет. Это слишком тихо, – тут же сказал Толян и, подбежав к музыкальному центру, повернул регулятор громкости до предела.

Грохот в комнате поднялся такой, что, по-моему, даже задрожали стены.

– Ну и ну, – поделился я впечатлениями со стоявшим рядом Максом, но собственного голоса не услышал.

– Говори громче! – любезно поднес ухо к самому моему рту Макси-Кот. – Я ни фиги не слышу.

Толян, однако, был вполне доволен. Он уже ритмично двигался в самом центре комнаты. Нам ничего не оставалось, как присоединиться.

Но танцевальная часть продолжалась недолго. Где-то под потолком оглушительно хлопнуло. На нас дождем посыпались стекла. Одновременно вырубился свет. Музыка смолкла. Мы все застыли на месте.

– Ребята, вы живы? – слышался из темноты голос Жанны.

– Живы, – ответил я. – А чего случилось?

– Это все Волобуев виноват, – узнал я голос Славки Кирьяна.

– При чем тут Волобууй? – немедленно возмутился Толян. – Лампочка в люстре лопнула, и все дела. Хорошо, я еще стол к стене отодвинул. А то бы всю еду стеклом засыпало.

– Зато я вся в стеклах, – послышался хнычущий голос Светки. – Ой! Ну вот! Порезалась! Ребята! Сделайте что-нибудь!

– «Что-нибудь» – это, Фома, к нам, – тронул меня за плечо Макси-Кот. – Айда на лестницу. Там у вас где-то должны быть пробки.

Мы ощупью двинулись в переднюю. Пирс, естественно, завертелся у нас под ногами, и я два раза чуть на него не наступил. Наконец мне удалось нашарить его на полу и подхватить на руки.

– Жанна! Возьми пса! Иначе он лапы себе порежет, как Светка.

– У меня не лапы, – тут же с обидою отозвалась Полежаева. – Я руку порезала. У меня кровь идет.

Жанка добралась до нас и взяла у меня Пирса. Мы с Котом вышли на лестничную площадку. Хорошо, хоть тут свет горел. Оказалось, предохранитель у Тарасевичей и впрямь выбило.

– Вполне банальный случай, – с важностью произнес Макс и шелкнул рычажком на распределительном щитке.

По оглушительному «ура» Толяна и не менее оглушительной музыке мы сразу поняли, что авария ликвидирована. Как раз когда мы входили в комнату, Жанна, подбежав к му-

зыкальному центру, решительно выключила его.

– Ты чего? – уставился на нее Толян.

– Хватит! – крикнула она. – Неужели не видишь?

Она указала на Светку. Только тут мы с Котом заметили, что у той порезана не только рука, но и лицо. Возле нее суетились Динка, Лариска и Славка.

– Светка, Светка, сейчас, – кинулась в направлении ванной комнаты Жанна. – Принесу перекись.

– Света, да ничего страшного, – утешал Кирьян. – Маленькая царапина. Завтра-послезавтра совсем пройдет.

– Ну! – бодро воскликнул «дитя джунглей». – Вон моему другу Витьку один раз по роже кастетом заехали, и то прошло без остатка. А тут, подумаешь, тоненькое стеклышко от какой-то лампочки.

– Слушай! – прошипела Диана. – Ты можешь хоть иногда помолчать?

Волобуев заткнулся. Тем более что вернулась Жанна с бутылочкой перекиси и начала обрабатывать Светке порезы на руках и лице.

Чуть погодя выяснилось, что Светка забрызгала кровью белоснежную блузку. Это еще сильнее испортило ей настроение, если, конечно, вообще оставалось что портить. Девчонки кинулись в ванную объединенными усилиями отстирывать Полежаеву.

– Ребята! – крикнула нам Жанна. – Соберите пока стекла!

– А почему у нас горит только торшер? – удивился Игорь

Соломатин. – Какой дурак выключил люстру?

Выяснилось, что никто не выключал. Просто она теперь не работала.

– Во, блин! – воскликнул Толян. – Конкретно замкнуло. Теперь без электрика не обойтись.

– Ни фига себе день рождения, – покачал головой Макси-Кот.

– Погуляли, – с трагическим видом изрек Славка Кирьян.

– Подумаешь, – отмахнулся ВолобуЙ. – Просто им люстру халтурно повесили. Вот мы однажды с Витьком...

– Отстань, – не дал ему поведать очередную историю из жизни «детей джунглей» Славка. – Лучше бы занялся стеклами.

При детальном изучении оказалось, что стекла валяются по всей комнате. Кстати, они попали даже на стол. И, естественно, живописными блесками рассыпались по ковру.

– Без пылесоса не обойтись, – сказал Макси-Кот. – Фома, ты знаешь, где у Тарасевичей пылесос?

Вообще-то Жанна и Юлия Павловна меня еще ни разу не приглашали к себе убираться. Однако интуиция мне подсказывала, что искомый предмет должен находиться в кладовке. По-видимому, шестое чувство у меня и впрямь хорошо развито. Пылесос действительно оказался там. С ним вызвался поработать Толян, а остальные занялись столом и стульями.

Жанна, вернувшись из ванной, посокрушалась над люстрой. Затем нашла выход:

– У меня ведь есть свечи! Сейчас поставим на стол и зажжем!

Свечи расставили и зажгли.

– Красиво, как в ресторане, – немедленно охарактеризовал ситуацию Толян.

Пожалуй, он единственный из присутствующих чувствовал себя по-прежнему замечательно. Светка, переодетая в кофточку Жанны, едва начала приходить в себя. Славка Кирьян кидал на нее сочувственные взгляды, но она не обращала на него ровно никакого внимания. Остальные тоже были какие-то кислые. Да и меня не покидало ощущение, что вечер безнадежно испорчен.

Жанна посмотрела на стол.

– Есть еще будете?

Никому не хотелось. Даже Толян воодушевления не проявил.

– Тогда, может, чаю? – спросила хозяйка.

– И торт мой тщи, – сказал Толян.

– Не только твой, – с загадочным видом откликнулась Жанна. – А ну, помогите убрать со стола.

Работа закипела. Попутно мы обнаружили еще несколько стекол. Мало того, Макси-Кот увидел в салате кокетливо возвышающийся стеклянный столбик от лампочки.

– Прямо как украшение, – сказал он.

За уборкой стола мы снова немного развеселились. А Пирс, наоборот, совершенно извелся. Пока все таскали на

кухню еду и посуду, он за нами носился. Когда же наконец мы в ожидании Жанны с тортом уселись за стол, Пирс вцепился в штанину Толяна и начал трепать ее.

– Эй! – вскочил на ноги Волобуев. – Перестань!

Пирс и не думал слушаться. Он буквально повис на штанине Толяна. Тот решил применить хитрость. Выхватив из вазочки печенье, он поднял его высоко над головой.

– Фу, Пирс! На! На! Достань!

Дальше события разворачивались крайне стремительно. Именно в тот момент, когда вошла Жанна, неся на вытянутых руках роскошный торт с пятнадцатью горящими свечами, Пирс наконец сделал выбор то ли в пользу печенья, то ли в пользу волобуевской руки. Как бы там ни было, пес, отпустив штанину, взвился высоко в воздух. Толян в мгновение ока отдернул руку и шарахнулся. Жанна, не отрывая взгляда от торта, продолжала идти вперед. Опомнилась она лишь в тот момент, когда Пирс шлепнулся в самый центр праздничного чуда.

Комнату огласили истошные вопли. Запахло паленой шерстью. К потолку взметнулся фонтан взбитых сливок. Пирс, тоже весь в сливках, с воем выпрыгнул из торта на стол и сшиб канделябр с шестью горящими свечами. Канделябр грохнулся на стакан с бумажными салфетками.

– Горим! – заорал Толян.

Глава II

ПОЛЫНЯ

Впрочем, Толян не просто заорал. Он одновременно схватил чайник и залил крутым кипятком полыхающие салфетки. Строго говоря, кипяток попал не только на салфетки, но и на колени сидящих вокруг стола. Мы, естественно, взвыли и повскакивали на ноги.

– Совсем обалдел, Толян? – накинулся на него Макси-Кот.

– Сам ты обалдел, – обиделся Волобуев. – Я, между прочим, пока вы ушами хлопали, пожар потушил.

На это нам возразить было нечего. Очаг пожара «дитя джунглей» и впрямь ликвидировал. Если, конечно, не обращать внимания на потоки грязной воды, щедро лившиеся со стола на ковер. Прямо удивительно, какие ниагарские водопады получаются всего из одного чайника. Посмотрев на стол, я также заметил огромную дыру на скатерти.

Хотя, конечно, все эти разрушения казались сущими мелочами в сравнении с участью торта и Жанны. Виновница торжества по-прежнему стояла столбом посреди комнаты, сжимая побелевшими пальцами блюдо, на котором еще совсем недавно красовался роскошный торт. Лицо Жанны и плечи были в брызгах взбитых сливок. А на блюде теперь лежало нечто, напоминающее руины прекрасного античного

города.

Огромные изумрудные глаза Жанны были направлены в одну точку. Она смотрела куда-то мимо нас в пустоту и явно ничего не видела и мало что понимала. А мы все, совершенно не зная, как выйти из создавшегося положения, с ужасом взирали на нее.

Внезапно мое внимание привлек странный звук, доносившийся снизу. Я посмотрел. Звук исходил от Пирса. Он сейчас тоже являл собою весьма живописное зрелище. Весь в сливках. К спине прилипла погасшая свеча от торта. Впрочем, Пирс всем видом показывал, что внешний вид его не особо и волнует. Он с аппетитом уписывал добрую треть торта, свалившуюся с блюда, и, естественно, от удовольствия громко чавкал.

Толян тоже заметил пса и со свойственной ему непосредственностью изрек:

– Во ржачка! Пес под взбитыми сливками!

Видимо, нервы у нас у всех были напряжены до предела. Ибо стоило Толяну это произнести, как нас охватил невольный, но жуткий хохот. Ну просто настоящая истерика. Мы ржали и не могли остановиться. Не смеялась одна лишь Жанна. Однако наш хохот вывел ее из ступора.

– По-моему, совсем не смешно, – каким-то деревянным голосом произнесла она.

Я понял, что Жанна едва сдерживается. Хохот наш оборвался столь же резко, как и возник. В комнате повисла гро-

боявая тишина. Даже Пирс перестал вдруг чавкать и, поджав хвост, на полусогнутых уполз под стол.

– Мама так старалась, – по-прежнему безжизненным голосом продолжила Жанна. – Неужели...

И, не договорив, она вместе с блюдом кинулась прочь.

– Жанна! Жанна! – последовал я за ней. – Подожди. Мы сейчас все...

Я хотел сказать, что мы с ребятами сейчас все приведем в порядок. Но Жанна, швырнув блюдо с руинами торта на кухонный стол, отпихнула меня и скрылась в ванной комнате. Дверь хлопнула. Щелкнула задвижка.

– Да не расстраивайся ты так! – И, стремясь обернуть все в шутку, я добавил: – А между прочим, Пирсу торт очень понравился.

Ответом мне был шум воды из крана. Жанна даже слушать меня не хотела. Я все-таки постучался в запертую дверь, но тут на место происшествия прибыли все остальные. Динка, Светка и Лариска, оттеснив меня в кухню, тоже принялись стучать.

– Жанна! Жанна! – прокричала Динка. – Брось дуться и выходи. Все вообще-то отлично.

Шум воды за дверью усилился. По-моему, Жанка, чтобы нас не слышать, врубила душ. Динка, однако, продолжала успокоительные маневры. Правда, пока все ее уговоры оставались без ответа. А вода в ванной продолжала шуметь.

– Я вообще, ребята, не понимаю, какие проблемы, – с ис-

кренным недоумением посмотрел на нас Толян. – Это она чего, из-за торта? Так я же второй принес. Сейчас достанем, порежем, и все дела.

– Слушай, Толян, заткнись, – сжал кулаки я.

– Мое дело предложить, – смутился тот. – А ты что, Фома, считаешь, она не из-за торта?

– Заткнись, – снова шикнул на него я.

– А-а, – хлопнул себя по лбу Толян. – Теперь понял. Она это из-за пожара. Мать ее теперь, наверное, заругает. Вот мы однажды с Витьком тоже у него в квартире такого наделали...

– Вот и вали к своему Витьку, – обозлился Славка Кирьян.

– Слушай, Толян, – вмешался Макси-Кот, – если не врубаешься в ситуацию, лучше не лезь.

– Жанна, Жанна, – продолжали увещевать девчонки. – Ты хоть нам-то открой.

Шум воды резко оборвался. Дверь отомкнулась, и Жанна вышла. Я шагнул ей навстречу, но она, будто не замечая, шагнула мимо меня на кухню.

– Так, – по-прежнему безжизненным голосом произнесла она. – Сейчас я достану новую скатерть и пойду переоденусь. А вы пока все уберите. Будем пить чай с тортом... – Она выдержала короткую паузу и добавила: – Толяна.

– Ну! – широко улыбнулся тот. – Значит, порядок.

Жанна вручила нам чистую скатерть и вновь удалилась в ванную переодеваться.

Мы постарались как можно скорей все убрать. Затем сели пить чай с волобуевским тортом. Однако настроение было окончательно испорчено. Особенно у Жанны. Даже изобретательный Макси-Кот, который способен развеселить практически любую компанию, оказался бессилён. Все его шутки словно бы затухали под тяжёлым, мрачным взглядом Жанны.

Я ещё никогда не видел её такой. А ведь мы с ней дружили уже целых три месяца. С самого конца сентября, когда я сюда переехал. И в ситуации мы с ней попадали разные. Но Жанна никогда не унывала. Что с ней сегодня случилось? Ну, естественно, все это неприятно. Но ведь не до такой же степени.

Разговоры за столом постепенно увядали. Наконец всем стало ясно: пора прощаться и уходить. Праздника явно не получилось. Ребята засобирались домой. Жанна не возражала. И даже не попыталась, хотя бы из вежливости, никого задержать. Вскоре нас осталось лишь трое. Сама Жанна, я, конечно, мой друг Макси-Кот. Ему, собственно, и уходить было некуда. Он оставался ночевать у меня, чтобы провести тут два следующих дня. Так повелось почти сразу, как мы переехали с Садового кольца, где обитали с Максом в одном дворе. Теперь он часто приезжал ко мне на выходные почти как на дачу. Хотя вообще-то наш окраинный район считается Москвой.

Обычно Жанна очень хорошо относилась к Макси-Коту.

Но и он сейчас был не в силах оздоровить атмосферу. Хотя и выдал еще несколько смешных историй. Однако с равным успехом мог бы исполнить похоронный марш.

Хозяйка делалась все мрачней. И вид у нее был совсем не гостеприимный. Наконец, резко поднявшись из кресла, она без обиняков заявила:

– Ребята, у меня, во-первых, болит голова, а, во-вторых, больше всего на свете хочется побыть одной. Так что спасибо и до свидания.

Мы смущенно поплелись в переднюю. В квартире Тарасевичей почти физически ощущалось напряжение. Словно летом на улице перед сильной грозой. Даже Пирс почему-то не вышел нас проводить. И вообще его нигде не было видно. Доев загубленный торт, он куда-то спрятался.

– Жанна, – уже выходя на лестницу, проговорил я, – завтра куда-нибудь вместе пойдем?

– Там видно будет.

И дверь захлопнулась перед нашими с Макси-Котом ногами.

– Нда-а, – скорбно покачал головой он. – Повеселились мы с тобой, Фома, классно.

У меня настроение было хуже некуда. Нашарив в кармане ключ, я, стараясь не поднимать шума, принялся отпирать собственную дверь. Сами понимаете, мне совершенно не хотелось лишних расспросов со стороны предков. Тем более я, как полный идиот, предупредил, чтобы раньше двенадцати

нас с Котом обратно не ждали. Мы все втроем заранее наметили, что, когда разойдутся гости, еще от души посидим втроем.

Но, как говорится, человек предполагает... Мы с Максом тихонько вошли в полутемную переднюю. Из кухни слышался негромкий стук молотка. Это мой неугомонный предок что-то опять усовершенствовал. С тех пор как мы обзавелись собственной трехкомнатной квартирой, его просто остановить невозможно. Главное, он постоянно наносит себе различной степени травмы. На его руки уже просто смотреть без жалости невозможно. Но он все равно от наемных профессионалов-строителей отказывается. Мол, лучше его самого никто не сделает.

– О-о, это вы? Так рано? Что случилось? – вышла в переднюю из большой комнаты мать.

Я поймал на себе ее пыливый взгляд и поежился.

– Совсем и не рано. Просто все кончилось. Вот мы и пришли.

– Странно, странно, – с исполненным подозрительности видом произнесла моя родительница. – Игорь! – крикнула она отцу. – Они уже вернулись!

Раздался сдавленный крик, и мой предок выбежал в коридор. В одной руке он держал молоток. А большой палец другой засунул в рот и сморщился. Мне мигом все стало ясно: отец заехал себе молотком по пальцу.

– Ну вернулись, и что? – спросил он.

– Они вернулись слишком рано, – трагически изрекла мать. – Федор, вы поссорились?

– Ни фиги мы не ссорились! – обозлился я. – Русским ведь языком говорят: просто посидели и разошлись.

– Неправда, – явно лишь укрепились в собственных подозрениях мать. – Вот и Котик какой-то грустный.

– Что вы, тетя Марина! – возразил Макс. – Я, наоборот, очень веселый. Классно посидели у Жанны.

И в качестве доказательства он выдавил из себя совершенно неестественную улыбку.

Мать с сомнением покачала головой.

– Марина, оставь их в покое. Сами разберутся, – к счастью, вмешался отец. – Лучше пойдем. Подержишь там мне одну штуку. А то мне одному не очень удобно.

Мать, окинув нас напоследок еще одним подозрительным взглядом, последовала за предком на кухню. Скоро оттуда опять послышался стук.

Мы с Котом поспешили в мою комнату, не забыв плотно затворить дверь.

– Уф-ф! – плюхнулся на мою кровать Макс. – Ну и вечерок сегодня. Все просто одно к одному.

Я не ответил. Да и что было отвечать?

На следующее утро, позавтракав под исполненными подозрительности взглядами моей родительницы, мы с Котом начали вырабатывать программу действий. Прикинув несколь-

ко вариантов, мы решили пойти кататься на коньках. Благо декабрьские морозы, наступившие еще в конце ноября, пока держались. Макс сказал, что нужно ловить момент. Иначе потом, чего доброго, начнется длительная оттепель, плавно переходящая в весну, как это было прошлой зимой.

Коньки Макси-Кота гостили у меня еще с прошлого приезда. Он оставил их совершенно сознательно. На Садовом кольце с ними все равно особенно делать нечего. А тут целых два огромных замерзших Серебряных пруда. Катайся сколько влезет.

Мы начали в темпе собираться в путь.

– Жанке-то позвони, – сказал Макси-Кот. – Пойдет она с нами?

– Вот уж не знаю, – засомневался я. – Будет у нее после вчерашнего настроение или не будет.

– Коньки для настроения – самое лучшее дело, – мудро заметил Макс. – А Жанке нужно развеяться. Давай звони. А если не захочет, передашь трубку мне. Я уговорю.

– Уж как-нибудь сам уговорю, – буркнул я и потянулся к телефонной трубке.

У Тарасевичей подошла Юлия Павловна. Она кликнула Жанну.

– Привет! – нарочито бодро произнес я. – Ты как, уже встала? Одевайся. Пошли на коньках покатаемся.

– Не хочу, – кисло произнесла в ответ она.

– Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел.

Был сильный мороз! – прибег я к помощи великого русского классика.

– Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, несущая в брюхе навоз. Крестьяне, завидев ее, ликовали и бурно лошадке той рукоплескали! – громогласно подхватил Макси-Кот. Он с детства обожает корезить все стихотворения.

Жанна, однако, и после этого не развеселилась.

– Не хочу на коньках, – каким-то сварливым голосом повторила она.

Видимо, на моем лице отразилась богатая гамма чувств, потому что Макси-Кот немедленно завладел трубкой.

– Слушай, Жанна, кончай дурить! – проорал он. – Во-первых, как тебе уже было сказано, мороз и солнце и все остальное тоже соответственное. А во-вторых, поминки по тортю у тебя, по-моему, чересчур затянулись. Давно пора забыть о дорогом покойнике!.. Что, что? Нет, Жанка, я не дурак, и ты это прекрасно знаешь... Ну, это уж совсем несправедливо. Я считаю, что шутки у меня остроумные... Ах, значит, ты так не считаешь? Ну-ну.

Стыдно, но я испытал злорадство. Кажется, мой старый друг получил свою порцию комплиментов. Ничего, ему только полезно. Меньше будет воображать.

Коту было явно неприятно. Но он делал вид, что все в порядке. И продолжал читать Жанке лекцию о пользе катания на коньках. Она немедленно сказала и про коньки. Что именно, я не слышал. Но у Макси-Кота от растерянности даже за-

двигался кончик длинного носа, и он вернул мне трубку.

– Фома, мои аргументы исчерпаны. Теперь действуй сам. Если, конечно, получится.

Я не был уверен в успехе, но трубку взял. И опять повел разговор тоном массовика-затейника на каком-нибудь празднике Москвы.

– Жанка, там морозец! Красота!

– Про это я уже слышала, – кисло откликнулась она. – И не только от тебя, но и от Макса. Вам бы прогноз погоды читать по телевизору.

– И пруды хорошо замерзли, – решил пропустить колкость мимо ушей я. – Пошли. Не пожалеешь.

Промаявшись еще с полчаса, мы с Макси-Котом все-таки совместными усилиями уговорили Жанну присоединиться к нам. Нет, она совсем не повеселела. И воодушевления у нее не прибавилось. Просто пошла кататься, чтобы мы от нее отстали. Так, во всяком случае, она заявила мне. А потом милостиво позволила зайти за ней через десять минут.

Мы с Котом принялись бурно собираться.

– Слушай, Фома, что-то Жанка со вчерашнего вечера на себя не похожа, – сказал Макс.

– Не похожа, – согласился я. – Это, наверное, ее так день рождения расстроил.

– Наверное, – медленно произнес мой друг. – Но я бы лично никогда не подумал, что Жанка может из-за подобного до такой степени убиваться.

Я тоже лично никогда бы не подумал. Обычно Жанна все неприятности переносила с юмором. А сейчас и впрямь развела поминки по праздничному тарту. Но что тут поделаешь. Видно, у нее полоса такая неудачная.

Ровно через десять минут мы позвонили в дверь Тарасевичей. Пирс, естественно, выскочил нам навстречу и, подпрыгивая высоко в воздух (никогда до сих пор не видел такой прыгучей собаки!), облизал сперва мое лицо, а потом физию Кота.

– Ты, Максик, наверное, единственный Кот в мире, которого признает этот пес, – усмехнулась Жанна. Кажется, она наконец начала приходить в себя.

Мы вышли на улицу и обогнули наш многоэтажный и многоквартирный дом. На улице ярко сияло солнце. Под ним ослепительно блестел белый снег. Даже глазам было больно.

– Я от такого снега отвык, – сказал Макси-Кот. – А верней, не привык. Прямо как за городом.

Мне было совершенно ясно, что он имеет в виду. Там, на Садовом кольце, снег, едва выпав, становится серым, а порой почти черным.

– А все потому, Максик, – покосилась на него Жанна, – что наши Серебряные пруды – экологически чистый район. От центра Москвы далеко...

– Ох, далеко, – вздохнул Макси-Кот, которому было пилить от своего дома до нашего целых полтора часа.

– Вдалеке, но не в обиде, – продолжала Жанна. – Вредных

производств никаких. Полезных, впрочем, тоже.

– Одно кладбище, – усмехнулся Макси-Кот.

– Но ведь на нем не хоронят, – уточнила Жанна.

Вообще-то на нашей памяти один раз хоронили. Но это другая история, и я не буду здесь на ней останавливаться¹.

Мы огляделись. По-видимому, декабрьский морозный денек пришелся по вкусу не только нашей тесной компании. Двор кишел разновозрастной и разношерстной публикой. Бабушки, дедушки, дети, собаки, а одна тетка даже водила на поводке крупногабаритного сиамского кота. От этого домашнего животного почему-то шарахались собаки. Вероятно, он сумел хорошо себя поставить.

Миновав двор, мы пошли по протоптанной в заснеженном поле тропинке к старинному кладбищу с не менее старинной кованой оградой, на которой красовалась табличка: «Памятник архитектуры. Охраняется государством».

Впрочем, как мы уже выяснили, охранялось не кладбище, а возвышавшаяся чуть поодаль церковь, которую реставрировали, а потом в ней вспыхнул пожар, и теперь она была черной от сажи. Сейчас, среди белого снега и яркого солнца, закопченная колокольня особенно бросалась в глаза. Правда, мы к этому зрелищу успели привыкнуть. Как-никак со времени пожара прошло целых три месяца. Обогнув кладбищенскую ограду и миновав несчастную церковь, мы устре-

¹ Об этом подробно читайте в книге Антона Иванова и Анны Устиновой «Кладбищенский фантом».

мились дальше по тропинке. Летом тут были зеленые луга. Теперь они скрылись под ровной толщей белого снега. Настоящее раздолье для лыжников, о чем свидетельствовала паутина лыжней.

Наш путь лежал по прямой к Серебряным прудам. А если свернуть от церкви налево, то другая тропинка выведет к искусственным горкам, где можно классно покататься на лыжах или на санках. И даже попрыгать с трамплина.

Вскоре мы подошли к первому из двух Серебряных прудов. На нем каталась тьма народа. А на втором – всего несколько человек. Однако всем было лень до него тащиться. Поэтому, дойдя до ближайшего пруда, они остались именно на нем. В одном конце сражались хоккеисты. В другом – просто катались на коньках. Кто один, кто парами. А какая-то компания, взявшись за руки, ехала шеренгой в десять человек. Мы посмотрели на это, и Жанна решительно произнесла:

– Пошли дальше. Тут слишком тесно. Толком даже не разбежишься. Обязательно кто-нибудь налетит.

Я хотел возразить: «Это весело, и знакомых куча», – однако, глянув на Жанну, от комментариев воздержался. Лицо ее как-то не располагало к спорам. Да и Макс сделал выбор в пользу более отдаленного пруда. В общем, пришлось подчиниться мнению большинства.

Мы снова пустились по тропинке. Второй пруд был намного меньше первого. Однако и его никак нельзя назвать

маленьким. Возле противоположного от нас берега каталось всего несколько человек. Весь остальной лед безраздельно предоставлялся нам. Опустившись на лавочку, мы надели коньки, а обувь сложили в пластиковую сумку и зарыли в сугроб. Нашим родителям такой способ явно бы не понравился, но мы его широко практиковали. Во-первых, никто посторонний не видел, куда мы и что зарываем. А потом, кому охота кататься с ботинками через плечо или, еще того хуже, по очереди караулить их.

Лед оказался хорошим. Сперва мы просто скользили наперегонки, затем принялись играть в салочки. Жанна разве-селилась. Весело хохоча, она с ловкостью уворачивалась от Макса, который водил. Отчаявшись догнать Жанну, мой вероломный друг переключился на меня и, потратив немало усилий, добился успеха. Жанна и от меня с ловкостью уворачивалась, но мне все-таки повезло больше, чем Коту. То есть вообще-то я пустился на хитрость и крикнул:

– Жанка, по-моему, к нам Диана идет!

Глянув на берег, она, понятное дело, тут же раскрыла обман. Но темп был потерян. Моя рука без труда достигла ее плеча, я крикнул:

– Вот теперь води!

И унесся вперед.

– Федор, ты гад! Так нечестно! – возмутилась она и погналась за мной.

Я уже почти добежал до противоположного берега, когда

за спиной вдруг раздался треск и истошный вопль Жанны. Я обернулся. У меня похолодело внутри. Жанна медленно уходила под лед.

Ее засасывало в полынью, словно в болото. Отчаянно цепляясь за лед, она пыталась выбраться из воды, но руки соскальзывали, и все, что ей оставалось, – это в немой мольбе взирать на меня.

Ее полный отчаяния взгляд и привел меня в чувство.

– Кот! – как оглашенный проорал я и кинулся на помощь.

– Только не подъезжай близко! – крикнула Жанна. – Иначе тоже провалишься.

Предупреждение прозвучало вовремя. Сам бы я в панике не сообразил. Резко затормозив в метре от полыньи, я распластался на льду и пополз к Жанне, без остановки твердя:

– Держись, держись. Я сейчас.

– Шарф, – прохрипела Жанна.

– Твой шарф? – не понял я.

– Дурак, твой. Иначе не выберусь.

Ну, естественно. Продолжая ползти, я размотал длинный шарф, накрутил один его конец на руку, а другой бросил Жанне. Она сумела поймать его. Шарф натянулся. Тут, к счастью, подоспел Макси-Кот. Один я бы, наверное, не справился. Друг мой тоже ухватился за шарф.

До сих пор не могу понять, каким чудом нам удалось вытащить Жанну. Отчетливо помню лишь момент, когда она, вымокшая до нитки, лежала на льду. Нам с Котом стоило

больших усилий поднять ее на ноги. Ее всю трясло, и коньки разъезжались. Сорвав с себя теплую куртку, Макс заставил Жанну надеть ее на себя, застегнул «молнию», а потом затянул тесемки капюшона.

Тут, к счастью, нам на помощь подросли ребята постарше, катавшие в другой части пруда. Они сцепили руки и таким образом донесли нашу почти утопленницу до места, где мы зарыли обувь.

Впрочем, переобуть Жанну тоже оказалось делом совсем не простым. Шнурки на ее ботинках с коньками намокли и к тому же замерзли. Словом, их пришлось резать. Хорошо еще, у запасливого Кота в кармане куртки всегда лежал складной ножик.

Теперь главное было скорее доставить утопленницу домой. Жанну трясло еще сильнее. Мы с Котом, подхватив с двух сторон ее под руки, скомандовали:

– Бежим!

Так вот мы и неслись без остановки до самого нашего дома. В лифте Жанна сползла по стенке на пол.

– Ноги не держат, – жалобным голосом объяснила она.

Мы тоже едва держались. Перед глазамиплыли темные круги. Но нам требовалось во что бы то ни стало доставить Жанну до квартиры.

Едва мы оказались на нашем десятом этаже, Кот принялся трезвонить в звонок Тарасевичей. Раздался лай Пирса. Дверь распахнулась. Наверное, наше трио выглядело очень

живописно и выразительно. Потому что, едва нас увидев, Юлия Павловна позеленела и, наверное, брякнулась бы в обморок, но Кот вовремя подхватил ее и проорал в самое ухо:

– Скорее! Раздевать и в горячую ванну!

Юлия Павловна враз как-то вся собралась и, стянув с Жанны куртку, протянула ее Максусу:

– Бери, и уматывайте отсюда!

И она грубо вытолкнула нас за дверь. Я позвонил в свою квартиру. Открыла мать. Поймав на себе ее изумленный взгляд, я запоздало сообразил, что поторопился вернуться к родному очагу. Сперва нам с Макси-Котом нужно было хоть чуть-чуть привести себя в порядок. Вид-то у нас был еще тот. Во всяком случае, мы явно не походили на людей, с большим удовольствием покатавшихся на коньках. Да еще эта мокрая куртка в руках Кота.

– Мальчики, – пронзила нас рентгеновским взглядом моя дорогая родительница, – что с вами?

– Да видите ли, – косясь на меня, принялся тянуть время Макси-Кот.

Обычно у него это мастерски получается. А главное, очень вежливо. В моей голове лихорадочно заработал компьютер. С одной стороны, информировать о происшествии было совершенно невыгодно. Катание на коньках после этого явно накроется. Но, с другой, истина все равно скоро выйдет наружу. Ведь Жанна живет в соседней квартире, и наши матери постоянно общаются. Так что врать бесполезно.

В результате будет только еще хуже. И, украдкой подмигнув Коту, я сказал:

– Мама, Жанна провалилась под лед.

Родительница схватила за сердце и простионала:

– Игорь! Игорь! Иди сюда! Ты слышишь, что они говорят?

Жанна почти утонула!

Предок вылетел из кухни. В руках у него была огромная кисть, с которой капала белая краска. И лицо у него тоже было в белой краске.

– Как, Жанна утонула?

От волнения он взмахнул кистью. На мать пролился белый дождик.

– Осторожнее, Игорь! – стерла краску с лица мать.

– Что с Жанной? – не обращая внимания, спросил предок.

– Жива, Игорь Федорович. Почти утонула, но жива, – ответил Макси-Кот. – Надеюсь, что не простудится.

Отец с недоумением перевел взгляд с Макси-Кота на меня, а с меня – на мать.

– Ничего не понимаю, она утонула или не утонула?

– Она провалилась, – начал втолковывать я. – Под лед. Но мы ее вытащили.

– А теперь мать дома моет ее в ванне, – подхватил Макс. – Чтобы не простудилась от переохлаждения.

– Значит, жива, – задумчиво теребил в руках кисть отец.

– Игорь, ты что, совсем спятил? – вдруг накинулась на него мать. – Ты на паркет посмотри.

Отец взглянул на пол, и мы с Макси-Котом тоже. Все вокруг было закапано белой краской.

– Это мы сейчас растворителем ототрем, – не растерялся предок.

– Котик, давай свою куртку, – протянула руку мать. – Ой! Она же у тебя вся мокрая. Ты тоже провалился?

– Нет, – откликнулся Макс. – Я просто свою куртку надел на Жанну, когда мы ее вытащили.

– Ох! – всплеснула руками моя родительница. – Значит, ты назад шагал раздетый? Какой кошмар! Ведь простудишься! Ну-ка, быстро в душ! А я пока чай приготовлю.

– Тетя Марина, да мне не холодно, – отмахнулся Макс.

– Все равно иди в душ, – не сдавалась мать. – Береженого бог бережет. Кстати, Федор, ты тоже раздетым шел? – перевела она взгляд на меня.

Я объяснил, что моя куртка слишком короткая. Жанну она все равно не согрела бы. Поэтому мне раздеваться не пришлось. Мать облегченно вздохнула и отправилась ставить чайник.

После того как, весь красный и распаренный, Макси-Кот освободил ванную комнату, туда отправили меня. Я, естественно, пробовал возражать. Мол, во-первых, не промокал, а во-вторых, не замерз. Наоборот, пока мы вытаскивали Жанну, а потом еще с ней бежали, весь запарился. Но моя родительница если уж что вобьет себе в голову, то ее не переубедишь.

– Федор, считай, что должен принять горячий душ для профилактики.

– И вообще, пар костей не ломит, – вновь появился из кухни вместе со своей кистью отец.

– А ты, Игорь, уйди, – велела мать, – а то снова весь пол закапаешь своей гадостью.

Отец ответил, что это не гадость, а очень качественная финская краска, но все же удалился. Я принял душ, после чего нас с Котом напоили чаем с малиновым вареньем.

– А теперь, мальчики, марш в постели под одеяла! – командовала мать.

– Мы что, больные? – возмутился я.

– Пока здоровые, – откликнулась моя родительница. – Но чтобы не заболели.

Мы с Котом обменялись выразительными взглядами. Валяться среди дня в кроватях нам совершенно не улыбалось. Однако моя изобретательная мать могла для профилактики придумать что-нибудь еще хуже. Нет. Пусть уж лучше постели. И мы пошли в мою комнату.

– Часик полежите, не развалитесь, – бросила вслед нам мать. – А я сбегаяю к Тарасевичам.

И она выскользнула из квартиры.

– Ну, Фома, покатались, – укладываясь на раскладушку, проворчал Макси-Кот.

– Все хорошо, что хорошо кончается.

Я вытянулся на диване и натянул одеяло до самого подбо-

родка. Несмотря на душ, горячий чай и малиновое варенье, у меня начался какой-то внутренний озноб. Неужели действительно заболеваю?

Коту, наоборот, сделалось жарко. Полежав с минуту под одеялом, он решительно откинул его.

– Слушай, Фома, я все-таки не врубаюсь, как это вышло?

– Сам не врубаюсь, – откликнулся я и начал вспоминать, что было перед тем, как Жанна провалилась в воду. – Значит, я осалил ее и понесся. Она, естественно, за мной. Выходит, я по этому месту пробежал, а она почему-то провалилась. И никакой полыньи там не было.

– Ну, во-первых, Фома, ты не можешь утверждать, что она бежала за тобой след в след с точностью до миллиметра, – возразил Макс. – Ты же не задом наперед двигался.

– Не задом, – кивнул я.

– Значит, она вполне могла взять на метр в сторону, – продолжал Макси-Кот.

– Но рядом не было ни одной полыньи, – отчетливо помнил я. – Везде сплошной толстый лед.

– Полынью могло затянуть ледком, – вновь принялся спорить мой друг. – Вот ты, Фома, и не разглядел, когда ехал мимо. А Жанна прямиком попала на тонкий лед, и он под ней проломился.

– Теоретически все могло быть, – сказал я. – Но сам подумай, Кот, откуда там взяться полынье?

– Как известно, мой дорогой, – с важностью изрек Макс, –

полыньи делают для подледной рыбной ловли.

– Дурак ты, Котище, – мигом сбил с него высокомерие я. – На этих прудах даже летом никто ничего не ловит. Потому как бесполезно. Вычистить-то их недавно вычистили. Но рыбу не запускали. А та, которая водилась в них раньше, говорят, уж сто лет как сдохла. Не выдержала загрязнения.

– Тогда рыбаки отпадают, – развел руками Макс.

– Вот именно, – подтвердил я. – Так какого же черта кому-то понадобилось долбить полынью на самой середине пруда?

Макс какое-то время молчал. Затем медленно произнес:

– А если кто-нибудь туда что-нибудь скинул? Ну, чтобы ушло под лед, и с концами.

– Подразумеваешь труп? – уставился на лучшего друга я.

– Почему обязательно труп? – изумленно проговорил Макси-Кот. – К твоему сведению, Фома, это мог быть любой предмет, от которого нужно избавиться. Например, нож, пистолет, одежда, в которой совершено какое-нибудь преступление, и так далее, и тому подобное.

Кажется, он был прав. Теперь я удивлялся, как мне самому такое не пришло в голову.

– Кот, – выдохнул я, – надо знакомых ребят поспрашивать. Вдруг они что-нибудь видели?

– Вполне могли видеть, – подтвердил Макс. – Вот завтра мы этим займемся. У нас еще целый день есть.

– В общем-то, можем даже и сегодня, – предложил я.

– Сомневаюсь, – покачал головой Макси-Кот. – Пока твоя мать вернется. Пока нам разрешат вылезти из постелей. Пока покормят обедом...

– Пожалуй, ты прав, – прикинул я. – Пока нас покормят обедом, уже стемнеет. Вот если бы сейчас был не декабрь, а лето.

– Мечтай, мечтай, – с издевкою покосился на меня старый друг. – Не декабрь, а лето. И еще, Фома, хорошо бы нам с тобой сейчас по водолазному костюмчику. Мы бы пошли на пруд, опустились на самое дно и узнали, кому и для чего понадобилось долбить полыню.

Я хотел ответить Коту, что все это совсем не остроумно, но тут в комнату вошла мать.

– Ну как? – уставились мы на нее.

– Слава богу, вроде бы обошлось, – откликнулась она. – Но эта история мне крайне не нравится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.